

Кирилл Маслинский

Школьная дисциплина сквозь призму фольклора

Говоря о прагматике фольклорных текстов на школьную тему, многие исследователи указывают, что эти тексты обслуживают потребности неформальной культуры школьников [Белоусов 1998]. В некоторых антропологических и социологических работах фольклор школьников решительно помещают в арсенал средств противостояния официальной школьной власти [Kehily, Nayak 1997; Щепанская 2003]. Тем не менее, поскольку тема противостояния в школе оказывается периферийной для фольклористических работ, а фольклорный материал — для антропологических и социологических, представленное в фольклоре сюжетное оформление этого противостояния описано либо очень общими, либо отрывочными чертами.

Я хотел бы рассмотреть подробнее, на какие именно аспекты школьной повседневности реагирует фольклорная культура школьников. Ограничивая контекст исследования проблемой внутришкольного противостояния, я буду анализировать только одну категорию школьной повседневности — дисциплину, которая воплощает власть педагогов над школьниками и должна служить одной из неперменных мишеней фольклорного осмысления и пародирования. Мне хотелось бы выявить категории, значимые для фольклорного взгляда на школьную дисциплину.

Кирилл Александрович Маслинский
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
kirill@altlinux.org

В фольклоре школьников и в некоторых жанрах взрослого современного (городского) фольклора, прежде всего в анекдоте, обнаруживается довольно разнообразный набор персонажей, сюжетов и реалий, соотносимых с институтом общеобразовательной школы и отсылающих к опыту обучения в ней. В рамках фольклористических исследований описывались некоторые школьные персонажи (Вовочка) [Белоусов 1996], отдельные сюжеты [Ильченко, Панченко 2012], предлагались текстопорождающие модели, задействующие школьный материал [Архипова, Козьмин 2004], а также высказывались общие соображения о механизмах снижения и травестирования школьных образов в фольклоре [Лурье М.Л. 1998; Белоусов и др. 2005].

Жанровые границы — традиционно наиболее труднопреодолимые ограничители предмета исследования в фольклористике. Возможно, поэтому корпус школьных сюжетов в целом не становился предметом отдельного исследования. Кроссжанровый взгляд на школьные сюжеты как на единый корпус требует перехода от анализа в терминах жанрово обусловленных единиц (будь то конкретные сюжеты, персонажи, клише и т.п.) к стоящим за ним схемам ситуаций школьной повседневности. Такой уровень анализа открывает возможность для дифференциального исследования, описывающего, с одной стороны, жанровую дистрибуцию школьных ситуаций, а с другой — различия в реализации одной и той же ситуативной схемы в разных жанрах.

В рамках данного исследования меня интересуют ситуации, в которых реализуются повседневные практики, составляющие школьную дисциплину. Дисциплина может рассматриваться как основной режим реализации власти в школе [Фуко 1999], поэтому очень многие практики и повседневные микро-взаимодействия могут быть интерпретированы как дисциплинарные. Чтобы конкретизировать материал и не слишком отдаляться от эмной категории *дисциплина*, используемой в школьном сообществе, я ограничусь анализом двух типов ситуаций, для которых очевидна дисциплинарная составляющая: *проступки* школьников и *дисциплинарные меры* (наказания), применяемые педагогами.

Материал исследования

Материалом данной работы послужили тексты двух жанров: так называемая школьная хроника, относящаяся к детскому фольклору и бытовавшая в школе, и анекдоты на школьные темы, необязательно бытующие в школьной среде, но активно эксплуатирующие модели школьных повседневных ситуаций.

В качестве сравнительного материала, позволяющего оценить, существуют ли такие аспекты дисциплинарных практик, изображения которых фольклорные тексты систематически избегают, я привлекаю официальные школьные тексты, посвященные регулированию поведения школьников: правила поведения в школе и список применяемых дисциплинарных мер.

Хронологические рамки исследования не являются жесткими: опираясь на высокую стабильность школьной повседневности и имеющиеся фрагментарные сведения о бытовании названных жанров и отдельных текстов, можно утверждать, что данный материал характеризует школу второй половины XX в., т.е. прежде всего школу советского периода.

Школьная хроника. Отдельные черты школьной повседневности просматриваются в самых разных жанрах детского фольклора, включая садистский стишок и пародийную поэзию школьников. Однако наиболее заметное место школьная повседневность занимает в относительно редком жанре, за которым в исследовательской традиции закрепилось название «школьная хроника». Школьная хроника представляет собой разновидность письменного фольклорного жанра, организованного по принципу пародийного словаря, в котором реалиям школьной жизни даются определения в виде клише, заимствованных из прецедентных культурных текстов (часто из фильмов, произведений школьной программы). Например: *прогульщик — не хочу учиться, а хочу жениться; ученик за дверью — запорожец на Дунае* и т.п. По данным, приведенным А.С. Архиповой и А.В. Козьминым, наиболее ранние упоминания о школьной хронике относятся к середине 1950-х гг., период ее активного бытования в школьной среде приходится на 1980-е, а первые фольклористические записи сделаны в начале 1990-х [Архипова, Козьмин 2004]. Для данного исследования единицей анализа является отдельное определение школьной реалии. Использованный в работе корпус определений составлен по материалам двух крупных публикаций [Новицкая 1994; Лурье В.Ф. 1998] и включает 618 определений. Круг охваченных в корпусе школьных реалий включает персонажей (*учитель, директор, ученик...*), локусы (*туалет, столовая, раздевалка, кабинет труда...*), статусы (*двоечник, отличник, второгодник, активист...*), время и календарь (*урок, перемена, каникулы, выпускной...*), оценки и материальные объекты, их содержащие (*двойка, пятерка, журнал, дневник...*), проступки и наказания (*прогул, подсказка, списывание...*), учебные предметы и их преподавателей.

Анекдоты о школе. В русской традиции XX в. известен ряд анекдотических циклов, тесно ассоциированных со школьной

тематикой, например анекдоты о Вовочке (часто, хотя и необязательно в школьном антураже), анекдоты о грузинской школе и др. Неправомерно объединять такие циклы в единый разряд школьных анекдотов, поскольку они очень разнятся по происхождению, прагматике и бытованию. Однако для задач данной работы имеет смысл включить в рассмотрение все анекдоты, отсылающие к школьным образам, трактуя их как сформированную *ad hoc* тематическую выборку. Для построения выборки анекдотов использовался поиск по сайту «Анекдоты из России» <anekdot.ru>¹. Список ключевых слов для поиска анекдотов на школьную тему был составлен на основании описанного выше корпуса определений школьной хроники. В список вошли все существительные и глаголы из левых частей определений (названия школьных реалий — *учитель, урок, писать*), за исключением частотных слов, использование которых сильно засорило бы выборку текстами, не относящимися к школе, например *доска, звонок*. По результатам поиска после исключения текстов посторонней тематики² была сформирована коллекция из 1328 анекдотов о школе, опубликованных на сайте с 1995 по 2013 г. Начало этого периода совпадает со временем основных фольклористических записей, по которым нам сегодня известен позднесоветский и постсоветский школьный фольклор, в том числе и школьная хроника. В целом данную коллекцию анекдотов можно считать характеризующей примерно тот же нестрогий очерченный диапазон — вторую половину XX в., что и корпуса текстов всех прочих жанров, используемые в данной работе. В пользу этого говорят общая консервативность и вневременность поэтики и топики текстов, малое количество отсылок к постсоветским событиям и реалиям, а также присутствие ряда сюжетов, в отношении которых имеются свидетельства бытования, относящиеся к 1950–1970-м гг.³

В коллекцию попали тексты, в которых школьные ситуации привлекаются в очень разных целях: реализация этнических, языковых и социальных стереотипов (грузинская, еврей-

¹ В пользу выбора этого сайта в качестве источника по бытованию современного анекдота в Интернете можно привести ряд аргументов: тексты присылают читатели, сайт существует с 1995 г., был достаточно популярен, особенно в 1990-е — начале 2000-х, на нем нет ограничений на публикацию вариантов уже опубликованных анекдотов, возможен поиск по ключевым словам по всему архиву сайта. Об использовании «anekdot.ru» в фольклористическом исследовании см.: [Алексеевский 2010].

² Поскольку поисковый интерфейс на сайте «anekdot.ru» всегда выполняет стемминг запросов (усечение слов до основы), а также в силу омонимии в результаты поиска попадают тексты другой тематики.

³ В частности, ряд сюжетов о еврейской / одесской школе, а также некоторые сюжеты, известные в более поздних записях в цикле анекдотов о Вовочке, зафиксированы в рукописной тетради анекдотов, ведшейся ленинградским инженером с 1949 по 1990 г. Анекдоты в тетради датированы годом, когда автор их услышал. Я благодарен Михаилу Лазаревичу Лурье за возможность воспользоваться этим источником.

ская / одесская, чукотская школа, школа новых русских), осмеяние известных персон (школьные годы политических деятелей, футболистов...), ирония в отношении профессии учителя (особенно по поводу зарплаты) и постсоветских образовательных реформ, взросление и сексуальность школьников, наконец, взаимоотношения учителей, учеников и родителей. Наиболее релевантными для задач исследования стоит считать тексты, в центре сюжета которых находятся урок и воспитательный процесс в школе и семье. Нарушителями порядка во всех анекдотах оказались исключительно мальчики.

Правила поведения для школьников. Составление и распространение в школах правил поведения для учащихся восходит к до-революционной традиции. В 1943 г. были введены общесоюзные «Правила для учащихся», вобравшие в себя самые общие дисциплинарные установки по отношению к советским школьникам. В то же время регулирование деталей школьной повседневности по-прежнему считалось прерогативой конкретных школ. С начала 1950-х гг. в педагогической литературе появляются упоминания «единых требований к учащимся»¹, которые представляют собой списки процедурных предписаний и запретов, призванные конкретизировать общие положения «Правил для учащихся».

В работе использованы тексты единых требований и правил поведения в школе, издававшиеся от имени конкретных школ (иногда районных отделов образования) в виде брошюр для раздачи школьникам. Корпус составили 16 брошюр, изданных в разных регионах СССР с 1937 по 1984 г.² По опубликованным образцам и типовым спискам можно проследить, что сферы повседневности, регулировавшиеся едиными требованиями, оставались довольно стабильными. Например, типовой список, напечатанный в 1959 г., содержит следующие разделы: *До начала уроков. На уроке. В мастерской и на производстве. На переменах и при уходе из школы. На собраниях, вечерах, пионерских сборах. Дома. К состоянию учебников, тетрадей, дневников, рабочего места. К внешнему виду и костюму. К речи учащегося. На улице и в общественных местах* [Болдырев 1959: 54–58]. Тем не менее в отобранных для исследования брошюрах наблюдается определенная вариативность как в наборе правил, так и в деталях школьной повседневности, подлежавших регламентации. Приведем несколько примеров для иллюстрации того микроуровня поведения, который регулируется правилами: *За партией сиди прямо, не разваливайся и не оборачивайся,*

¹ «Единые» в данном случае означает «единые для педагогического коллектива школы».

² Эти брошюры хранятся в коллекции Российской национальной библиотеки в фонде групповой обработки. При цитировании приводится год и место издания брошюры.

запрещается держать руки в карманах, подпирать голову руками (1980, Бауск); *При встрече со взрослыми повернуться к ним лицом, уступить дорогу, приветствовать их* (1956, Б.м.); *По лестнице ходить только с правой стороны, не держаться за перила* (1957, Хмельницкий). В целом единые требования стремятся охватить мельчайшие аспекты школьной повседневности, моделируя идеальную механику учебного процесса, которую некоторые исследователи называют «школьной хореографией» [Eggermont 2001]. Благодаря такой детализации в формулировках единых требований оказываются зафиксированы ситуации, в которых учителя склонны совершать регулирующие дисциплинарные действия. Единицами анализа в работе являются поведенческие запреты и предписания, содержащиеся в правилах.

Шкала наказаний. Вопрос о применении наказаний в школе обсуждался в советской педагогике начиная с декларативной отмены любых наказаний в 1918 г., последовавшей за этим дискуссии и восстановления школьных наказаний в правах с начала 1930-х гг. [Гордин 1971: 27–35]. Списки официально признаваемых дисциплинарных мер советской школы можно обнаружить в двух типах источников: уставных документах школы и министерских циркулярах, — а также в педагогической литературе. Например, в приказе министра просвещения «Об укреплении дисциплины в школе» 1951 г. приведен следующий перечень мер наказания: *Наказания: порицание со стороны учителя, классного руководителя, заведующего учебной частью, директора (заведующего) школы; приказание учителя встать около парты, выговор перед классом, удаление из класса с урока; оставление после уроков для выполнения несделанного домашнего или классного задания; вызов для внушения на педагогический совет; выговор, объявленный приказом директора по школе; снижение отметки за поведение; перевод из класса в другой, параллельный класс, в другую школу; исключение из школы* [Дейнеко 1954: 181]. В педагогических руководствах этого и более позднего периода обнаруживается тот же набор дисциплинарных мер, обычно дополняемый признанием допустимости ситуативных наказаний по принципу «естественных последствий»: сломал — почини, насорил — убери и т.п. [Болдырев 1974: 178–182]. Во всех источниках меры наказания приводятся в определенном порядке, отражающем иерархию наказаний по силе дисциплинарного воздействия.

Жанровая дистрибуция дисциплинарных ситуаций

Для целей дифференциального анализа, поставленных в работе, необходима единая номенклатура дисциплинарных ситуаций, позволяющая проводить сопоставления разножанровых

текстов. При выделении дисциплинарных ситуаций и выборе названий я старался максимально следовать терминологии, использующейся в текстах, однако в силу жанровых различий это не всегда удавалось. Во всех случаях, когда для обозначения ситуации выбрано обобщенное исследовательское название, даны комментарии относительно конкретных сюжетных ходов, реализующих данную ситуацию в разных жанрах.

Проступки

В качестве проступков естественнее всего рассматривать нарушение прямых запретов и предписаний, присутствующих в «Правилах для учащихся» 1943 г. Например, 2. *Прилежно учиться, аккуратно посещать уроки, не опаздывать к началу занятий в школе. <...> 14. Не употреблять бранных и грубых выражений, не курить. Не играть в игры на деньги и вещи* [Дейнеко 1954: 174]. Упоминания проступков школьников можно проследить в трех жанрах: школьной хронике, анекдотах и правилах. Поскольку советские педагоги отрицали существование в советской школе дореволюционной «шкалы наказаний», т.е. формального соответствия между тяжестью проступка и видом наказания [Гордин 1971: 14], даже в педагогической литературе при перечислении дисциплинарных мер практически отсутствуют примеры конкретных проступков. Общая картина дистрибуции основных проступков по жанрам приведена в таблице 1.

Таблица 1

Дистрибуция основных проступков в фольклорных и официальных жанрах

	Школьная хроника	Анекдот	Правила
опоздание на урок	+	+	+
невнимание на уроке	+	+	+
невыученный урок	+	+	+
подсказка	+	+	+
списывание	+	+	+
курение	+	+	+
обценная лексика		+	+
скабрзные рисунки		+	
прогул	+		+
коллективный прогул	+		
срыв урока	+	±	

Проступки, упоминающиеся во всех трех жанрах, можно считать прототипическими школьными нарушениями: *опоздание на урок, невнимание на уроке, невыученный урок, подсказка, списывание, курение*. Примечательно, что все эти проступки, кроме курения, соотнесены с наиболее прототипическим школьным контекстом — уроком. Однако за метками узнаваемых ситуаций скрываются существенные различия в деталях, актуализирующихся в каждом жанре.

Опоздание в школьной хронике сводится к одному из трех значимых компонентов: просьба (*Опоздавший на урок — 713-й просит посадки*), оправдание (*Оправдание за опоздание — старая-старая сказка*) и момент выбора для ученика — входить ли в класс и как оправдываться (*Опоздание на урок — размышления у парадного подъезда*). В анекдотах просьба и оправдание опоздавшего развернуты в обмене репликами между учеником и учителем, содержание реплики ученика (реже — учителя) и составляет пуанту анекдота. *Учительница в классе: — Вовочка, ты опоздал! Вот Машенька говорит, что вышла одновременно с тобою, но она уже в классе! — Естественно, — отвечает Вовочка, — ей только юбку одернуть, а мне кальсоны натягивать, ширинку застегивать...* Клише лучше поздно, чем никогда обнаруживается в функции оправдания и в школьной хронике, и в анекдоте. Правила, запрещая опаздывать, не упоминают взаимодействие учителя и опоздавшего, но предписывают взаимодействие с завучем или директором, которые должны дать разрешение войти в класс. Этот момент отсутствует в фольклорных текстах.

«Пассивные» формы сопротивления учебному процессу — *невнимание* и *невыполнение домашних заданий*, предупреждаемые и порицаемые многочисленными правилами, в фольклоре появляются эпизодически. В частности, в школьной хронике невнимание актуализируется только в свернутом сюжете сна на уроке: *Девочки — спящие красавицы*, — а в анекдоте — в сюжетных ситуациях, центром которых является учительское замечание невнимательному ученику: *В девятом классе идет урок биологии. Учительница объясняет строение обезьяны. Вовочка балуется и не слушает. Она его успокаивает и говорит: — Вовочка, смотри внимательно на меня, а то ты не будешь иметь никакого представления об обезьяне.*

Гораздо более разнообразны фольклорные репрезентации «активных» форм нарушений учебного порядка: *подсказки* и *списывания*. Во всех вариантах правил присутствует запрет подсказывать, списывание прямо упоминается только в одном случае (1941, Молотов). В текстах школьной хроники обе ситуации актуализируют значения кооперации (*Дающий списывать —*

талант; Подсказывает — свой человек; Знает, но не подсказывает — собака на сене) и риска (Подсказка при директоре — подвижница; Двойка за подсказку — горе от ума). В ситуации списывания также тематизируются процесс списывания (необходимость подглядывать, скорость: *Косо смотрит — подглядывает в шпаргалку; Списывание — дай, Бог, скорости!*) и шпаргалка как инструмент (*Ученик со шпорой — человек с ружьем*). Для анекдота сюжетообразующее ядро в ситуации подсказки — способ подсказки, в нескольких вариантах включающий демонстрацию гениталий. *Урок пения в школе. Учительница вызвала Вовочку: — Каких ты знаешь композиторов? А Вовочка не учил. Стоит и смотрит на соседа по парте. Тот взял книгу, стукнул по парте. — Бах, — сказал Вовочка. — Правильно. Кто еще? Друг вырвал из тетради листок. — Лист. — Хорошо, еще. — Членников. — Не Членников, а Хренников. А ты, Петров, убери подсказку.* Списывание, в отличие от подсказки, в анекдотах не столько процесс, сколько результат: центром сюжетной ситуации становится реакция учителя на одинаковые работы. В рассмотренной коллекции есть шутки о будущем списывавших учеников, маргинальные с точки зрения жанровых признаков анекдота.

Курение дает пример резкого расхождения интерпретаций ситуации в разных жанрах. Для школьной хроники с курением ассоциирован только один локус — туалет мальчиков (*Туалет мальчиков — Москва, спаленная пожаром; Туалет мальчиков — Николай, давай покурим!*). В коллекции анекдотов курение появляется в двух текстах, начинающихся с вопроса учителя ученику о курении (дети заставили курить в классе директора школы; оправдание курящего пятиклассника со ссылкой на президента Валенса). Малочисленность вариантов говорит в пользу их случайности и периферийного положения курения в корпусе сюжетов школьных проступков.

Обращаясь к собственно к жанровой дистрибуции проступков, следует отметить те из них, которые присутствуют только в одном из названных жанров. В таблице 1 не отражены все проступки школьников, которые можно реконструировать по текстам правил, т.к. это сделало бы список необъятным. Склонность составителей правил фиксировать мельчайшие детали школьной рутины (на какой номер вешать одежду в гардеробе, как именно подписывать мешок со сменной обувью, с какой стороны ходить по коридору и лестнице и т.п.) показывает, насколько плотно повседневный школьный цикл покрыт точками возможного приложения дисциплинарных сил, и в то же время демонстрирует размытые границы категории «проступок» в силу произвольности требований к поведению школьника. Школьная хроника тоже фиксирует зоны школьного

режима, к которым относятся названные выше правила (приход в школу и уход из нее, перемена, столовая), однако не вычленяет в них дисциплинарные нарушения, а приписывает общее значение хаоса (битва, шум, столпотворение: *В раздевалке — штурм Зимнего; Школа в перемену — сумасшедший дом; Буфет — центр нападения*). В анекдоте, напротив, такая точка дисциплинарной напряженности может реализоваться в сюжете стычки ученика с учителем по поводу нарушения правил: *Вовочка несетя после урока по коридору и чуть не сшибает с ног директора школы. Тот возмущенно хватает его за плечо и говорит: — А сейчас вернись и пройди спокойно! И поздоровайся со мной, как твой отец здороваётся с знакомыми! Вовочка отходит на несколько шагов, вразвалку — руки в карманы — подходит к директору, хлопает его по спине так, что у того чуть очки не соскочили, и орет во все горло: — Ну, здорово, старый х#!%! Сто лет тебя не видал, е\$#%ть твой лысый череп!! Еще не сдох, %n#%a моржовая!!!*

Сюжеты анекдотов также открыты для насыщения дисциплинарными сценами, не свойственными ни правилам, ни школьной хронике. Причем и здесь граница проступка размывается: в одной и той же коммуникативной рамке урока комический сюжет может разворачиваться вокруг очевидных проделок (скабрезные рисунки на доске) или обсценной лексики в ответах на вполне невинные вопросы учителя (назовите слово на букву П), но основу сюжета могут составлять просмотр эротического журнала, реплики с эротическим подтекстом или даже безобидный иронический комментарий к объяснению учителя. — *Сегодня, дети, мы будем писать сочинение о нашем светлом будущем. С задней парты: — А базар фильтровать? Мне представляется, что материал анекдотов не дает оснований в данном случае проводить жесткую демаркационную линию между проступком и шуткой.*

Порождающей моделью для подобных сюжетных схем служит ситуация, в которой учитель передает коммуникативную инициативу ученику (задавая вопрос, делая замечание и т.п.) или вовлекает в разбирательство третью сторону (родителей, директора) и тем самым теряет контроль над ситуацией. *Учитель: Вовочка, ну сколько можно болтать? Выйди вместо меня и продолжи! Вовочка выходит к доске: — ВСЕМ СПАСИБО, УРОК ОКОНЧЕН!*¹ Впрочем, по этой же модели может строиться и текст, в котором коммуникативную инициативу теряет ученик, совершая дисциплинарную провокацию: *Учительница заходит в класс, а на доске нарисован огромный член. Она хватается*

¹ Данный пример заимствован с сайта «Шуток.нет» <<http://www.shytok.net/anekdots/anekdoty-provovochku.html>>.

*Вовочку, выволакивает его в коридор и срывающимся голосом орет: — Отца в школу, немедленно! Слышишь! Сейчас же! Вовочка испуганно: — Извините, пожалуйста, простите. Мне сказали, что это вас возбуждает. Училка: — Тебе все правильно сказали. Быстрее отца в школу!*¹

В таблице 1 приведены три категории проступков, характерных только для школьной хроники: *прогул, коллективный прогул, срыв урока*. Отсутствие прогулов в школьных анекдотах легко объяснить тем, что жанровая природа конфликта в анекдоте требует непосредственного контакта персонажей, поэтому действие чаще всего происходит в стенах школы. Более интересный случай представляет категория «срыв урока». В коллекции анекдотов этот термин упоминается единожды, но составляет при этом не содержание конфликта, а свернутую экспозицию к нему: *Вовочка сорвал урок молодой учительницы. — Завтра в школу пусть придут твои родители! — После уроков, Вера Ивановна, зайдите в кабинет директора, папа тоже хотел с вами поближе познакомиться*. В школьной хронике срыв урока репрезентируется как спланированная деятельность (*Срыв урока — операция «Б1»*), а ученики, сорвавшие урок, наделяются своеобразным статусом (*Сорвавшие урок — неуловимые мстители*). План действий и результирующий статус служат индикаторами того, что «срыв урока» — событие, которое в школьном сообществе конструируется коллективно. Иначе говоря, чтобы конкретный конфликт был квалифицирован как срыв урока, он должен быть назван таковым в школьном сообществе (как ученическом, так и учительском). Анекдот, в котором изображается конкретный конфликт, не может отразить этот интерпретативный план дисциплинарной ситуации иначе как в свернутой форме.

Дисциплинарные меры (наказания)

Понятие *дисциплинарные меры* охватывает любые действия облеченных школьной властью субъектов (педагогов, дежурных, санитаров и т.п.), направленные на регулирование поведения школьников. Такое понимание позволяет рассматривать дисциплинарные меры как самостоятельный феномен, в отличие от понятия *наказание*, ставящего дисциплинарное действие в зависимость от проступка. Шкала наказаний, предлагаемая школьными документами и педагогической литературой, весьма стабильна на протяжении рассматриваемого периода, и большинство представленных там дисциплинарных форм находит параллели и в фольклорных текстах. В школьных

¹ Сайт «Шуток.нет» <<http://www.shytok.net/anekdots/anekdoty-provovochku.html>>.

правилах поведения дисциплинарные меры упоминаются эпизодически. Сравнительный анализ показывает неполное пересечение дисциплинарных мер в фольклоре и в официальном списке наказаний и значительную разницу в репрезентации одних и тех же наказаний в разных жанрах. Общая картина жанровой дистрибуции дисциплинарных мер представлена в таблице 2.

Таблица 2

**Дистрибуция основных дисциплинарных мер
в фольклорных и официальных жанрах**

	Школьная хроника	Анекдот	Правила	Шкала
поставить стоять (у парты, в угол)	+	+	+	+
удалить из класса	+	+	+	+
оставить после уроков	+	+	+	+
замечание на уроке	+	+		+
замечание в дневнике	+	+		+
исключение из школы	+	+		+
вызов для внушения на педсовет	+	±		+
выговор в приказе директора				+
снижение оценки по поведению				+
перевод в другой класс / другую школу				+
проверка дневника родителями	±	+	+	
вызвать родителей	+	+		
родительское собрание	+	+		
наказания дома	+	+		
разговор с директором	+	+		
стучать по голове (указкой)	+	+		
наказание класса	+			

Как оказалось, очень немногие дисциплинарные меры прослеживаются сразу во всех четырех жанрах. Наиболее частотная из них в фольклоре — *удаление из класса*. Как и в случае с проступками, разные жанры вскрывают разные измерения этой ситуации. Так, для школьной хроники единственным аспектом удаления из класса является результат, выражающийся в первую очередь в смене пространственной локализации и отрыве

ученика от своей группы (*Выгнали за дверь — пал смертью храбрых; Ученик за дверью — по ту сторону фронта*). Весь предшествующий этому дисциплинарный процесс остается за рамками изображения.

Анекдот демонстрирует практически полную дополнительную дистрибуцию со школьной хроникой в изображении этой ситуации. Здесь удаление из класса — это прежде всего перформативная реплика учителя и часто — последующая реплика ученика, который оставляет за собой последнее слово, даже покидая класс. *Урок литературы... Учительница: — Дети, давайте играть в такую игру, вы будете загадывать фамилии писателей, а я их отгадывать. Петенька: — Такой писатель, на Т начинается, на Й кончается. Учительница: — Это Толстой. Мне нравится ход твоих мыслей. Машенька: — Такой поэт, на П начинается, на Н кончается. Учительница: — Это Пушкин. Мне нравится ход твоих мыслей. Вовочка: — На Х начинается, на Й кончается, в середине У. Учительница: — Вовочка! Выйди вон! Вовочка (уходя): — Вообще-то это Хемингуэй, но мне нравится ход ваших мыслей.* То, что ученическая реакция на указание покинуть класс является обязательным эпизодом этой дисциплинарной ситуации, подтверждается и правилами, которые иногда предвосхищают пререкания ученика: *Если тебя удаляют из класса, без пререканий оставь его и отправляйся к директору или лицу, его замещающему, сообщить о том, что наказан* (1962, Ленинград). Впрочем, с точки зрения правил центральным эпизодом является направление удаленного ученика к директору: особо оговаривается запрет удаленному ученику находиться в коридоре, иногда предписывается направляться к директору в сопровождении старосты класса. В анекдотах эпизод встречи с директором в коридоре также может быть задействован в сюжете. — *Вовочка, придумай предложение с глаголом «иметь». — Верку Перепёлкину может иметь любой мужчина. — Вот наглец! Вон из класса! На перемене учительница выходит в коридор и замечает, что Вовочка уплетает плитку шоколада. — Кто дал тебе шоколад? — Директор школы. Он спросил, за что меня выгнали с урока, и записал адрес Перепёлкиной.*

Сходным образом между школьной хроникой и анекдотом распределены эпизоды реже упоминаемой в фольклоре ситуации *поставить в угол*. В школьной хронике актуализируется состояние ученика, находящегося в изоляции: *Ученик в углу — вдали от Родины*. В анекдоте — это один из способов дисциплинарной реакции учителя, обычно в ответ на реплику ученика: *Во время урока Марья Ивановна проходила мимо Вовочки. Он уронил ручку, наклонился: — А у Марьи Ивановны трусики красные! — Вовочка! Завтра в школу приведешь папу! — Я лучше из класса выйду. На следующий день опять Вовочка ручку уронил:*

— *А у МарьИванны сегодня трусики синие! — Вовочка! Папу в школу! — Я лучше в угол стану! На третий день: — А у МарьИванны сегодня вообще нет трусиков! — Вовочка! А ну быстро к директору! — Неет! Вот теперь я приведу папу!* В правилах и шкале наказаний упоминается приказание встать у парты, не отмеченное в фольклорных текстах, или приказание стоять на уроке, которое никогда не обозначается как приказание стоять в углу, но по описанию очень близко к этому: *Если в виде наказания учитель приказал тебе стоять, молча выйди из-за парты и встань у двери лицом к доске. Ни в какие разговоры по поводу наказания на уроке не вступай* (1960, Вологда).

Показательна разница между правилами, анекдотом и школьной хроникой в трактовке ученика, *оставленного после уроков*. Если с точки зрения правил важна прежде всего цель этого наказания — выполнение несделанного задания, то оба фольклорных жанра на этом примере демонстрируют наиболее характерные механизмы снижения ситуации. В школьной хронике ситуация лишена событийного содержания и сводится к продлению учебного времени, всегда оцениваемого отрицательно как несвободное состояние: *Ученик, оставленный после уроков, — напрасно, старушка, ждешь сына домой*. В анекдоте актуализируется пребывание один на один с учительницей, что открывает возможность для эротических интерпретаций: *Вовочка очень обиделся, когда после дополнительных занятий один на один учительница ему сказала: — К сожалению, опять неудовлетворительно. В следующий раз придешь с отцом!*

Ряд официально признанных в шкале наказаний дисциплинарных мер отсутствует в правилах поведения школьников — это *замечания*, сделанные устно на уроке или записанные в дневник, *вызов на педсовет* и *исключение из школы*. Видимо, основная причина в том, что жанровая прагматика правил поведения предполагает попытку интериоризовать дисциплинарный контроль в сознании ученика там, где нет возможности эффективно осуществлять его извне. Во всех названных ситуациях присутствует непосредственный контроль педагога, поэтому для правил все эти меры оказываются неактуальны.

Отдельного внимания заслуживает *замечание* на уроке — самая распространенная дисциплинарная мера в школе. В педагогических рекомендациях обычно оговаривается форма (тон) замечания: *Рекомендуется делать замечание в тактичной, но официальной форме* [Болдырев 1974: 178]. В школьной хронике замечание как таковое не упоминается, но присутствует *гнев / крик учителя*. Таким образом, школьная хроника прямо, а педагогическая литература косвенно фиксируют один и тот же стереотип учительского речевого поведения.

Некоторые формы наказания не находят параллелей в рассмотренных фольклорных текстах. К ним относятся *выговор в приказе директора, снижение отметки по поведению, перевод в другой класс / другую школу*. Все эти меры занимают высокие позиции в шкале наказаний (по степени серьезности) и в то же время выпадают из поля зрения школьной хроники и анекдота. Причина этого, возможно, в том, что соответствующие дисциплинарные меры недостаточно повседневно, слишком выбиваются из жизни школьного сообщества. Тексты школьной хроники и анекдотов, направленные на снижение и осмеяние школьной рутины, тем не менее предполагают прочную связь с ней и в этом парадоксальном смысле — лояльность к школьной системе ценностей.

Некоторые из брошюр единых требований также содержат описания дисциплинарных мер, отсутствующих во всех прочих жанрах. Чаще всего это касается сферы полномочий дежурных: *Пришедшие [в школу] после указанного времени должны предъявить свои дневники дежурному. Дежурный у двери ставит в дневник штамп «Опоздал»* (1960, Свердловск); *Раз в неделю дежурный класс остается после уроков для разбора проступков, допущенных учащимися во время перемен. Дежурному классу предоставлено право приглашать на разбор проступков учеников, нарушивших установленный порядок в школе* (1972, Воронеж). Подобные свидетельства подтверждают вариативность в наборе дисциплинарных мер советской школы, не ограниченную ситуативными формами наказаний по принципу «естественных последствий», рекомендуемых в педагогических руководствах.

Оба фольклорных жанра расширяют список дисциплинарных мер наказаниями, отсутствующими в официальной шкале. К ним прежде всего относится группа дисциплинарных ситуаций с участием родителей: *вызов родителей в школу, родительское собрание и наказание ученика родителями* за школьные провинности. С точки зрения официальной педагогики эти формы работы школы с семьей не признаются наказаниями, однако в фольклоре они изоморфны прочим дисциплинарным мерам. Вызов родителей в анекдоте стоит в одном ряду с удалением из класса и направлением к директору и в ряде сюжетов взаимозаменяем с этими мерами. Отец двоечника после родительского собрания в школьной хронике описывается тем же клише, что и разгневанный учитель: *Фантомас разбушевался*. Таким образом, семейный воспитательный процесс в школьной хронике репрезентируется как часть школьной дисциплинарной системы. В анекдотах привлечение фигуры родителя (чаще всего отца) к дисциплинарным конфликтам позволяет эксплуатировать три основных темы: сексуальных отношений

с учительницей, власти (высокий статус родителей) и неблагополучной семьи. *Вовочка получил двойку. Папу вызывают в школу. Ваш сын получил двойку! Ну, если еще раз повторится, то я его убью на%#%. Через неделю Вовочка снова получил два, после этого неделю не появлялся в школе. Папу вызывают в школу. Где ваш сын??? А я его убил на%#%!!!*

Другой тип не упомянутых в шкале дисциплинарных мер — формы наказаний, запрещаемые и отрицаемые советской педагогикой. В школьной хронике обнаруживаются не признаваемые советской школой физические (*Указка — дубинка XX века*) и коллективные наказания (*Провинившийся класс — деревья умирают стоя*). Даже такая узнаваемая форма, как дисциплинарный разговор ученика с директором, представленная и в школьной хронике, и в анекдотах, отсутствует в официальной номенклатуре наказаний.

Школьная хроника дает основание включить в список дисциплинарных мер такую, казалось бы, исключительно учебную форму, как *вызов к доске*. Основанием для этого служат тождественные с другими дисциплинарными мерами правые части определений, например: *У доски — вдали от родины; Ученик в кабинете директора — вдали от родины*. За этим тождеством стоит прослеживающийся в текстах школьной хроники изоморфизм учебного и дисциплинарного процессов: тот и другой концептуализируются как инициированное школой неприятное и неизбежное, но в конечном счете временное состояние.

Заклучение

В начале статьи был поставлен вопрос о категориях, лежащих в основе репрезентации и интерпретации школьной дисциплины в фольклорных текстах. Контрастивное построение исследования и привлечение в одном ряду с фольклорными официальными текстами — это инструментарий, служащий основной цели: перейти от уровня описания поэтики отдельных жанров к характеристике общих принципов нарративизации школьных дисциплинарных взаимодействий в самых разных текстах, как в стенах школы, так и вне ее, как с точки зрения школьников, так и с точки зрения педагогов. Представляется, что отчасти это удалось. Отчасти — потому что каждая из выявленных моделей описания связана преимущественно с одним из рассмотренных жанров и говорит более о прагматике данного жанра, чем о существующей независимо от него повседневности. Тем не менее можно назвать несколько смысловых категорий, прослеживающихся так или иначе в разных жанрах и претендующих на роль ключевых составляющих понятия *школьная дисциплина*.

Школьная хроника вскрывает, что *дисциплина — это составляющая учебы*, неотделимая и неотличимая от нее. Дисциплинарные ситуации здесь ставятся в один ряд с учебными и описываются при помощи одних и тех же приемов. Характерно, что содержание как учебных, так и дисциплинарных процессов полностью снято в интерпретациях школьной хроники. Тем самым школьная хроника выражает максимально обобщенный протест против школьной системы.

Анекдот изображает дисциплинарные эпизоды прежде всего как пространство конфликта учеников с учителями. Значимой категорией для объяснения сюжетной структуры анекдота оказывается *риск, связанный с вступлением на почву дисциплинарного конфликта*. Примечательно, что рискуют обе стороны, т.к. встречаются сюжеты, где инициатором конфликта оказывается ученик.

Правила поведения для школьников подчеркивают *взаимосвязь дисциплины и повседневной школьной рутины*. Воплощая попытку контролировать мельчайшие поведенческие реакции школьников, правила размечают в школьной повседневности точки напряженности, каждая из которых может быть развернута в дисциплинарный конфликт.

Организующим принципом шкалы наказаний оказывается *иерархия дисциплинарных мер и дисциплинарных агентов* (учитель, завуч, директор), выявляющая наличие внутренней структуры в школьной дисциплинарной системе.

Заданная в качестве отправной точки исследования номенклатура типов дисциплинарных ситуаций (проступков и наказаний) позволила прояснить некоторые внутренние отношения в системе стереотипов, из которых складывается общекультурное представление о сопротивлении школьников дисциплинарной власти педагогов. Обнаружилось, что школьная хроника, анекдот на школьную тему, правила поведения и шкала наказаний значительно пересекаются по охвату дисциплинарных ситуаций. С одной стороны, это дало возможность выделить общее для всех рассмотренных жанров прототипическое ядро школьных дисциплинарных ситуаций. Им оказался небольшой набор незначительных проступков и наказаний, связанных прежде всего с ситуацией урока (опоздание, удаление из класса, подсказка, списывание...). С другой стороны, жанровая дистрибуция, т.е. отсутствие тех или иных дисциплинарных ситуаций в некоторых жанрах, позволила увидеть водораздел между официальной репрезентацией дисциплинарных практик в советской школьной педагогике, полуофициальными повседневными практиками, фактически имеющими дисциплинарное значение, и, наконец, не признаваемыми

официально дисциплинарными практиками (физические и коллективные наказания).

При этом анализ в терминах проступков и наказаний вскрыл запас подвижности в определении тех или иных ситуаций как дисциплинарных. Так, материал школьных анекдотов не дает оснований проводить жесткую грань между конфликтом и шуткой в спектре сюжетных ситуаций, а вариативность поведенческих предписаний в разных вариантах правил поведения для школьников свидетельствует о подвижности и произвольности категории *проступок*. Эти наблюдения позволяют назвать последнюю категорию, принципиальную для описания школьной дисциплины: *необходимость в интерпретации*, поскольку дисциплинарной делает ситуацию прежде всего ее отнесение учениками и учителями к одному из типов дисциплинарных событий (срыв урока, опоздание, грубость и т.п.). Возможно, именно момент такой интерпретации и является основной движущей силой всех дисциплинарных событий в школе, но это предположение требует проверки на более широком сравнительном и полевом материале.

Библиография

- Алексеевский М.Д.* Анекдоты от Зюганова: фольклор в современной политической борьбе // Антропологический форум. 2010. № 12 Online. С. 1–36.
- Архипова А.С., Козьмин А.В.* Словарь как анекдот: исторические корни и морфология «школьной хроники» // Лотмановский сборник. М.: ОГИ, 2004. Т. 3. С. 598–628.
- Белоусов А.Ф.* «Вовочка» // Антимир русской культуры. Язык, фольклор, литература: Сб. статей. М.: Ладомир, 1996. С. 165–186.
- Белоусов А.Ф.* От составителя // Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир, 1998. С. 5–14.
- Белоусов А.Ф., Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л.* Детский фольклор: итоги и перспективы изучения // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докл. М.: ГРЦРФ, 2005. Т. 1. С. 215–242.
- Болдырев И.Л.* Организация и воспитание школьного ученического коллектива. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959.
- Болдырев Н.И.* Методика воспитательной работы в школе. М.: Просвещение, 1974.
- Гордин Л.Ю.* Поощрения и наказания в воспитании детей. М.: Педагогика, 1971.
- Дейнеко М.М.* Справочник директора школы: Сб. постановлений, приказов, инструкций и др. руководящих материалов о школе. М.: Учпедгиз, 1954.

- Ильченко А.С., Панченко А.А.* «Куда вы, шлюхи?»: герои современных анекдотов и миграция фольклорных сюжетов // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 333–348.
- Лурье В.Ф.* Школьная хроника // Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир, 1998. С. 399–429.
- Лурье М.Л.* Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир, 1998. С. 430–517.
- Новицкая М.Е.* Хроника школьной жизни // Живая старина. 1994. № 2. С. 64.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 139–161.
- Eggermont B.* The Choreography of Schooling as Site of Struggle: Belgian Primary Schools, 1880–1940 // History of Education. 2001. Vol. 30. No. 2. P. 129–140.
- Kehily M.J., Nayak A.* “Lads and Laughter”: Humour and the Production of Heterosexual Hierarchies // Gender and Education. 1997. Vol. 9. No. 1. P. 69–88.